

УДК 811.114

А.Б. Бушев

ДЕТАЛЬ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Бушев О.Б.

ДЕТАЛЬ У ПЕТЕРБУРГСЬКІЙ ПОВСЯКДЕННОСТІ СРІБНОГО СТОЛІТТЯ

У центрі роботи – деталь, що приводить до розуміння стилю. Демонструються вербальні тексти, пов'язані з срібним століттям російської культури. Іноді навіть незнання тої чи іншої фактичної інформації та недостатня семантизація лексики не стають на заваді розуміння цілого. Зазначене розуміння тече за принципом герменевтичного кола.

Ключові слова: стиль, розуміння, деталь, модерн, модернізм, письмовий текст, невербальний текст.

Бушев А. Б.

ДЕТАЛЬ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В центре работы – деталь, приводящая к пониманию стиля. Продемонстрированы вербальные тексты, связанные с серебряным веком русской культуры. Иногда даже и незнание той или иной фактической информации и недостаток семантизации лексики может приводить к пониманию целого. Указанное понимание течет по принципу герменевтического круга.

Ключевые слова: стиль, понимание, деталь, модерн, модернизм, письменный текст, невербальный текст.

Bushev A.B.

AN ITEM IN SILVER AGE ST. PETERSBERG'S EVERYDAY LIFE

The article discusses the details that lead us to perceive something as being related to the certain style. The details of verbal and texts help us perceive and appreciate the style through the characteristic traits. Sometimes it occurs notwithstanding the fact that we may not be aware of some factual information. In the long run it is the activity of the technique of hermeneutic circle.

Key words: style, perception, detail, art nouveaux, modernism, written text, non-verbal text

Историки настаивают на значимости конкретного, единичного при изучении повседневности (Беньямин 2000, Бергер, Лукман 2000, Гофман 2000, Кнабе 1984, Маффесоли 1997, Репина 1998, Шютц 1986, de Certeau 1984, Maffesoli 1979, The History of Everyday Life 1995). «Открытие сферы повседневности в историческом знании в 1960 – 70-е годы было вызовом, теоретическим и политическим, традиционному историческому знанию о «великих событиях», «великих людях» и «больших структурах» [3, с. 12]. Новые теоретические ориентиры (микроистория, устная история, «история снизу») как нельзя лучше отвечают этой задаче. Для качественных исследований, которые опираются на опыт культурной антропологии, важными становятся много-

численные свидетельства человеческого опыта: письма, дневники, повседневные нарративы. Предметом нашего внимания в этой статье выступают словарные особенности менталитета мемуаристов, материалом – книги мемуаров.

При этом мы понимаем, что история повседневности – часть общественной истории, она «принимает различные обличья»: семейной истории, истории частной жизни, истории труда и досуга, локальной истории, истории отельных социальных групп и профессий, истории питания и потребления, истории телесности. Повседневность противостоит не только истории как связанному, линейному и однонаправленному процессу, но и истории как рассказу: «В текстах по повседневности [...] обращает на себя внимание стремление к из-

быточно подробным описаниям, длинным перечислениям, бесконечным наименованиями, которые как бы не требуют действия и самим своим присутствием нечто значат. Можно говорить о картинности как стратегии письма о повседневности, тяготении его к экфрасису, отказу от событийности, нарратива, застывании повествования» [3, с. 13].

Настоящая статья иллюстрирует роль художественных детали в создании стиля. Встретив ту или иную деталь, рецептируя, понимая, оценивая ее, можно предугадывать стиль - и эпохи, и человека. Как это но странно, при этом совсем необязательно знать все характеристики стиля, теоретическое обоснование состояния культуры в определенную эпоху, чтобы соотносить тот или иной текст (личность, невербальный текст, в том числе произведение архитектуры, изобразительно-го искусства) с определенной эпохой.

Последнее время наше внимание привлекает эпоха модерна. Краткая, но столь выразительная в архитектуре и изобразительном искусстве, имевшая свои параллели в серебряном веке русской литературы и приведшая к модернизму как стилю, эта эпоха отстоит от нас уже на значительное время. Эта эпоха уже была чужда и непонятна в тридцатые годы двадцатого века. Выросло несколько поколений, чуждых тому вступавшему в жизнь на рубеже веков поколению, воспринимавшему мировую культуру свою.

Но ничто не мешает нам сегодняшним увидеть ту эпоху через небольшие детали. Возьмем даже собственно нехудожественный текст. Прочитаем воспоминания Веры Судейкиной [8]. Удивительная личность, художник, муза фигурантов серебряного века Судейкина и Стравинского. Веру называли «волшебная фея Санкт-Петербурга». Между прочим, на старости лет она, жена Судейкина и Стравинского, сбивалась при подсчете своих браков.

Оценим ее старинный язык :

Я спала с уймой снов.

Гуляли entre chein et loup.

Я ходила с мамой чутючку гулять

Мама поит нас школоладом

После позирования, часов в пять пошли собирать валежник, шли по взрытой земле, через ручеек. Небо очистилось, розоватые облака, молодой месяц, чувство близости земли. Сережа вспоминает барбизонцев.

Запись 1918 года. На этот раз говорим только о политике, и с большим жаром, потому что делается что-то невероятное, какое-то фантастическое, бешенное скерцо. Немцы наступают и в 60 верстах от Бологова.

Я не могу говорить искренно, потому что слишком мало понимаю и чувствую себя ребенком перед теми событиями, которые сейчас развертываются.

Вчера мы поздно легли спать, все слуша-

ли рассказы Блуменфельда о его балетных скитаниях и знакомствах, семнадцать лет подряд от обедов у Куба! Кого он только не знает!

С утра приходит Савелий и , вместе того, чтобы по-именинному попить с нами кофе, так торопились, что я, желая все же устеть с угощением, заливаю снежке кофеем свои белые туфли, которыми единственно я могла отметить сегодняшний день

Я плохо спала, потому что snились большевистские сны.

Налицо деталь, выводящая нас к стилю (большевистская революция как скерцо, человек, гуляющий в сумерках и остро чувствующий дыханье барбизонцев т.д.) Вера Судейкина при рецепции ее мемуаров из-за детали соотносится нами с тем дивным поколением женщин, которых Мандельштам – еще один творец той эпохи – называл «европейки нежные». Мария Будберг, Саломея Анроникова, Ольга Судейкина, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Лидия Коренева, Марианна Веревкина, Елизавета Кузьмина – Караваява. Во всем, написанном В. Судейкиной-Стравинской – отголоски и перекличка с «Поэмой без героя». Они пересекаются с Ахматовой и прямо – биографически. Совсем другая Зинаида Шаховская.

Мемуары Судейкиной-Стравинской изданы издательством «Русский путь» при московском Фонде-библиотеке «Русское зарубежье». Тот случай, когда издательство имеет говорящее за себя название.

Современный носитель языка уже может не знать каких-то деталей, но незнание не лишает его понимания стиля мемуаров, человека и эпохи:

Купленные на вербе поповские собаки

(если «на вербе» еще хоть как-то ассоциируется со Страстной, то почему собаки поповские и как выглядел и ценился такой фарфор, уже не понятно)

Кустарный музей

Пожар незлобного театра

Один из первых дней русской свободы ,

3 марта

Статьи Врангеля (современный человек уже не знает Н. Н. Врангеля – представителя золотой молодежи начала века, оставившего прекрасный путеводитель по Русскому музею).

Фарфоровый амур Гарднера (фабрика Гарднера закрылась в конце 19 века)

Социальные наблюдения мемуаристки интересны для историка:

О деду Порфирии Судейкине, жандармском подполковнике, убитом на квартире народо-вольца провокатора С. П. Дегаева, говорится: «Бедные дворяне, дед весь в охоте, собаках, 12 человек детей, мать молится на перекрестке трех дорог, чтобы не было больше детей, – все умирают по очереди почти от голода, остается один».

Языковеду интересны собственно языковые наблюдения:

Эскиз interieur'a

Лоузенный вместо блестящий.

Предчувствие эпохи как стиля...

В интерпретации нуждаются и вербальные, и историографические тексты. Стиль и культуру модерна можно предчувствовать через разные источники.

Приведем еще один пример. В наше время в России изданы воспоминания изгнанника – кн. Сергея Щербатова- представителя знати, художника, владельца галереи в знаменитом доме на Новинском бульваре, удивляющим москвичей и поныне сходством с палаццо Виченцы.

Прекрасный стиль и язык. Описывая мебель, созданную Бакстом, в своих воспоминаниях «Художник в ушедшей России» Щербатов пишет: *Великая княгиня Мария Павловна (старшая), супруга великого князя Владимира Александровича, довольно полная, уселась в бакстовское кресло, а когда поднялась, унесла его «на себе», настало оно было легкое и узкое. Бакст побежал «снимать» с нее кресло. Веселая и забавная, великая княгиня страшно рассмеялась, но все же укоризненно погрозила бывшему у нее в большом фаворе Баксту пальцем: «Извольте, cher maitre, написать при входе в ваш adorable boudoir: «Садиться запрещено таким, как я – только для сифид». К ним, как видите, не принадлежу».*

Это образец разговорного стиля эпохи.

Заканчивает мемуары римский изгнанник так:

Золотая рыбка уплыла на дно морское, и ныне, как старик в пушкинской сказке, я сижу на берегу и могу звать только ее – вернись. Но тщетно! – я знаю, она не вернется. По ту сторону – вся моя бывшая жизнь, столь иная, когда-то солнечная, озаренная светлой надеждой на будущее.

Он пишет сложно. Велеречиво, позволяя себе обстоятельные отступления. Встречаются в них и отвлеченные пассажи, вызывающие в памяти произведения дидактического жанра. Сам Щербатов на свою задачу мемуариста смотрел с некоторой торжественностью, и это важно для понимания его авторского замысла. К созданию мемуаров его побудила не сколько внутренняя потребность писать, сколько чувство патристического долга перед русской культурой. Так считает комментирующая мемуары Татьяна Дубина. Всему этому есть детальные подтверждения в тексте. Выйти от детали к целому и от целого к детали, правильно интерпретировать деталь – дидактическая задача.

Приведенные примеры убеждают в одном: велика роль художественной детали в понимании стиля. Чтобы соотносить тот или иной текст со

стилем, надо тренироваться в постижении частности. Частность, выводящая к целому – это и есть техника герменевтического круга. Техника герменевтического круга может выводить к предвосхищению как оценке всего текста.

Бытописательская книга о Петербурге 1890-х-1910-х годов – воспоминания старых петербуржцев Д. А. Засосова и В. И. Пызина «Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов» – написана в 1970-х годах представителями той культурной среды, которая существовала и вкусы, манеры, взгляды, привычки которой формировалась в Петербурге. Профессионалы, специалисты – юрист и инженер – выходцы из образованного слоя, хорошо образованные и хорошо обеспеченные своим трудом, вспоминают былое.

В их воспоминаниях – мельчайшие культурно-исторические детали быта тех лет.

Архаизация лексики **воспринимается нами как способ бытописания.**

«Реки и каналы Петербурга оживлялись своеобразными контурами лайб. Теперь это слово забыто. Лайба – это двухмачтовая или трехмачтовая парусная ихуна небольшого водоизмещения. Посмотришь с Калинкина моста вниз по Фонтанке – целый лес мачт с переплетенными снастями. Бушприты лайб прямо лежали на стенках набережных, которые были завалены выгруженным товаром».

Или – о вагоновожатом тех лет:

«Нелегко было быть вагоновожатым: лошади впрягались в мягкие ременные постромки, прикрепленные к тяжелому вальку. Никаких оглобель и дышл не было».

Архаизация некоторых слов свидетельствует об исчезновении явлений. Профессионализмы, используемые в их речи непрофессионалами, говорят об общекультурном и образовательном статусе авторов. Приведем примеры:

«Живорыбный садок», «барочный лес», «баржа на одну воду».

«В бочках – соленая рыба, рядом в окошках –akra всевозможных сортов».

«Во льду у Зимнего прорубалась майна»
«Вдоль них устраивались шпалерами гвардейские части»

«Наводят плашкоутные мосты, которые зимовали вдоль набережной».

Как представляет современный читатель «деревянный ретирад с навесом для пассажиров»?!

Возможен и такой вариант – слово «купальни» понятно, но в современном представлении за ним совершенно не находится то, что описывают авторы.

Бытовая социология – интересный пласт мемуаров: «водопойка для лошади», «рассыльные», «газетчики», «империял конки». Характерную картину Зимнего Петербурга, особенно в большие морозы, давали уличные костры, те са-

мые, о которых Ахматова писала: «И малиновые костры, словно розы, в снегу цветут».

Создание нового знания достигается и тогда, когда есть невозможность соотнести деизмат и предмет во фразах типа:

*«На Масленицу появлялся еще один вид пассажирского транспорта – **вейки**».*

Предметы и образы былого постоянно фигурируют в воспоминаниях, но это не единственный путь к созданию атмосферы:

«Эгоистки на высоких колесах, «фэзтоны в английской запряжке с грумом в цилиндре», «мальпосты», «шарабаны». Или : «В народе шапку городского называли «сеledкой».

Многое из моды малопонятно читателю современности:

«На нашей памяти носили пальмерстоны. Летом носили пиджак из альпака, рубашку пикейную».

«В начищенных кирасах, белых колетах, при длинных палашах»...

Что такое **лопаточник**? Оказывается, «официанты были в белых брюках и рубашках с малиновым пояском, за который затыкался кошель».

Фигурируют старые меры объема – «четверть», «сороковка», «сотка», «мерзавчик».

*«Для выгрузки барж нанимались особые артели **каталей, носаков и крючников**. Свою тяжелую работу они даже не мечтали скрасить песней - в Петербурге это было строго запрещено, следила полиция. Носаки ловко находили центр тяжести подаваемого груза и переносили его «на рысях».*

Показательна **архаизация фразеологизмов**.

В народе бытовало выражение – «будешь ночевать под шарами». Иные фразеологизмы более понятны: «адмиральша не гнула глупый форс» (о жене Макарова, любившей кататься в Кронштадте на многолюдном катке).

Просторечье и профессиональное просторечье **характерны для создания мемуарной детали:**

*«Лед нарезался **кабанами**»* (большими параллелепипедами).

*«Все весла ставились **«на валеk»**.*

*«Дровни с удлиненными задними **копыльями** спускались на воду и подводились под кабан»*

В речи фигурируют техницизмы и мир техники, ведь на жизни этого поколения появились автомобиль, телефон:

*«Паровая машина находилась в открытой шахте, огражденной невысоким **комингсом** – оградой».*

Техницизмы фигурируют как деталь: «узкие арки консолей моста», «кожух котла», «внутренняя сторона фальшбортов», «особая рубка».

Петербург – порт. Показательно использование в быту портовой лексики:

При причаливании – «*бросить канат*», «*зачалить его за кнехты пристани*». Детали рыбной ловли – «*на лодке заводился невод, выбирался он воротом*».

Можно было наблюдать особый род рыбной ловли – «*с тони*».

«На отмели сушились мережи».

Характерно описание кораблей как приметы будничного, как изычно оно выполнено двумя-тремя мазками кисти:

«Флаг комочком летел в вершине гафеля и там сильным рывком фала в умелых руках боцмана раскрывался и трепетал на ветру».

Народная этимология выступает в мемуарах как художественная деталь, передает колорит эпохи:

«В Петербурге приходило много барж, особенно с оровами. Он приносили в наш город запах лесов, смолы, от их команд тоже веяло лесным духом. На баржах главным лицом был шкипер (испорченное «шкипер»)».

*«На Неве и Невках стояли плоты с лодками, называемые почему-то местными жителями **фофанами**».*

Фигурируют **топонимика и собственные имена**.

«У завода Берда, около устья Мойки, была другая Кронштадская пристань, откуда заходили винтовые пароходы ледокольного типа – «Луна», «Заря» и др., постройки шведского завода Матала. Они же ходили и на Лисий Нос».

«Самыми привилегированными был императорский яхт-клуб на Крестовском острове. Скромнее был невский яхт-клуб, гавань которого находилась на Шкиперском протоке, около кронштыцех Галерной гавани Васильевского острова».

Интересно, **как говорили люди**, как шутили:

«Дилижансы, которые метко назывались петербургскими обывателями «сорок мучеников».

«Среди обывателей извозчиков часто называли «желтоглазыми», видимо по причине инфекционных болезней глаз».

Вот представления о речи в быту:

«Для повышения заработка некоторые извозчики подделывались под «веек», запрягая лошадей в деревянные сани, украшали их и даже запрашивали те же 30 копеек. Желая окончательно сойти за «чужну», они коверкали родную речь, говоря седокам: «Триссись копек».

Слышались **профессиональные словечки-приказы:**

«Наливай!» – клади на спину, - двое «наливали» третьему. «Даешь!» – кричал крючник,

подставляя спину.

«Как правило, плот или даже целая гонка из плотов перед мостом бралась буксиром «наотуру». Разгрузка производилась вручную при помощи веревок, с выкаткой по наклонным следам, с укладкой в штабеля».

Производит яркое впечатление **привязка топонимики к городу («знание города»):**

«Рейдовая часть порта была обставлена тремя плавучими маяками – Елагиным, Невским и большим корабельным, стоявшими на бере Невы и Невки. Постоянный находился на стенке кошия морского канала, на траверзе поселка Стрельна. Фарватеры обставлялись вежами и светящимися буями. Команды маяков должны были ежедневно производить по несколько раз промеры глубин и показывать глубину в футах шаром на размеченной мачте».

«Мы застали еще на Неве два плашкоутных моста – дворцовый – от Зимнего дворца на Васильевский остров – и Троицкий – от Мраморного дворца к Петропавловский крепости».

Описывают авторы и открытие Троицкого моста: «Отряд гвардейских моряков во флотской форме петровского времени вынес на руках из домика Петра I четырехместную веревку».

Предстает забытый **образ жизни:**

«Около разгружаемых лаиб и барж сновали на лодчонках или бродили по набережной хищники разного рода: «**пираты**», «**скободеры**» и «**пикальщики**». «Пираты» тащили что плохо лежит или поднимали со дна длинными клещами упавшие кирпичи и другой тонущий товар. Пикальщики ходили вдоль набережных с пикалкой и вылавливали пльвишие дрова, доски и пр. Пикалка – это деревянная колобашка, на одном конце которой было кольцо с веревкой, на другом торчал гвоздь. Пикальщик нацеливался, бросал свою пикалку в полено и вытаскивал его. Так он заготовлял себе дрова на зиму. Пикальем развлекались и мальчишки более состоятельных родителей, но он не уносили добычу домой, а отдавали ее нуждающимся собратьям».

Современный читатель вполне может затрудниться сказать, что значило «**холодные сапожники**», «**ведьма сапожника**», «**сиделец**», «**сбитень**», «**молодец**», «**казенка**», «**цапка**», «**поднатчик**», «**бульотка**», «**бутылочная передача**», кто такие в том Петербурге **рядчик**, **десятник**, **командор**...

Прибаутки былого – показатель социального слоя, интересны в русле этнографии коммуникации:

«**Красавица, заходите, специально для вас держим плюшевые саки с аграмантиками**». «Забрили тебе лоб, так попробуй шилом паточки».

«Эй ты, крупа, посторонись».

При виде солдат кавалерийских полков, у которых кивер на этикетке, кричали в толпе: «Эй, голова на веревке, смотри не потеряй».

Показательно наблюдение мемуаристов над **социолектами:**

«У них, как у всех торговцев, выработался свой язык, с прибавлением к каждому слову «с» – «пожалуйста-с», «прикажете-с», «чего изволите-с». Этим они хотели показать столичную «шлифовку» и «уважение к покупателю».

«В крупных магазинах манера вежливости обхождения была основным способом привлечения публики. Здесь приказчики «высшего класса» щеголяли словами, у прилавка слышались «*Merci, madame*», «*Je vous prie*». Одежды они были по последней моде, прическа а *la Capoule* (по имени знаменитого французского артиста), с начесом на лоб, манеры «галантерейные» и т.д.»

Художественная деталь в мемуарах может рисоваться при помощи значимых имен собственных:

«Лучшие бакалейные товары можно было купить у Соловьева, у Чурепенникова, которые имели тогда по несколько магазинов. Живые цветы во все времена тогда предлагала фирма Эйлера».

Роль детали подчеркивается самими авторами- мемуаристами с развитой рефлексией:

«На дворе возле кузницы был устроен специальный станок для завода туда горячих лошадей на времяковки, но у ковалей была своя гордость – даже самых бешенных рысаков подковывать без завода в станок. Надо отличать **кузнеца**, который гнул подкову по размеру копыта, от **ковалей**, который только подковывал лошадь».

Воспоминания живые, написаны ярким, сочным, красочным, живописующим языком. Деталь – бытовая, социологическая предельно живописуется словом и наблюдением над речью. Язык богат, колорит былого умеренно иллюстрирован архаизмами, просторечьем, орнаментирован топонимией и комментариями к словопотреблению былого. В итоге – картина речи и быта интеллигенции тех лет. Сегодня много говорят о языковой личности как вершине многих гуманитарных занятий. Вышеназванный уровень культуры авторов воспоминаний – хороший уровень и ориентир для постижения ее специфики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беньямин В. О понятии истории / В. Беньямин // НЛО. 2000. № 46. С. 81 – 90.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1996.
3. Гавришина О. Повседневность во множественном числе /О. Гавришина //Объять обык-

- новенное: Повседневность как текст по-американски и по-русски: Материалы VI Фулбрайтовской гуманитарной летней школы / под ред. Т.Д. Венедиктовой. – М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 11 – 18.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М., 2000.
5. Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов / Д.А. Засосов, В.И. Пызин. – М., 1998.
6. Маффесоли М. Фантастический мир каждого дня / М. Маффесоли // Художественный журнал. –1997, № 17.
7. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – М., 1998.
8. Судейкина-Стравинская В. А. Дневник. Петроград. Крым. Тифлис / В.А. Судейкина-Стравинская. – М.: Русский путь.2006.- 669 с.
9. Шютц А. Структуры повседневного мышления / А. Шютц // Социологические исследования. 1986. №1.
10. Щербатов С. Художник в ушедшей России / С. Щербатов. – М., 2000.
11. Certeau M., Giard L. Practical Science of the Singular// The Practice of Everyday Life.V2. Living and cooking. Berkley, 1984, p. 251-256.
12. Maffesoli M. la conquete du present.Pour une sociologie de la vie quotidienne. Paris, 1979.
13. The History of Everyday Life. Reconstructing Historical Experience and Ways of Life/ / ed. by Alf.Luedtke. Princeton, 1995